

Бай Сюнь.

Он очень хотел просто отсидеться дома, но его отец внезапно исчез. Дело было не просто в потере связи — он перестал ощущать само присутствие отца в этом мире. Его Светильник Жизни то вспыхивал, то гас. Бай Сюнь, конечно, не был величайшим гением, но всё же умел призывать души, однако поиски не дали никаких результатов.

Взглянув на последнее задание, которое принял отец, он решил отправиться по его следам. Благодаря талисманам, которые для него когда-то оставил Танси Чэнь, Бай Сюнь смог телепортироваться к месту проведения операции.

Как только он открыл глаза, его окутал густой туман. Это было древнее поселение в глубине гор, где сохранилось множество построек эпохи Мин и Цин. При виде этого жуткого места Бай Сюню захотелось бежать: архитектура слишком уж напоминала логово какой-нибудь мстительной призрачной девы.

Но стоило ему сделать два шага, как он тут же потерял сознание. Последняя мысль, промелькнувшая в голове, была горькой: он не только не спас отца, но и сам угодил в ловушку.

Очнувшись, он обнаружил, что крепко связан. Пошевелиться не удавалось. Напрягая зрение, он огляделся: похоже, он был на алтаре, а рядом в святилище виднелась пугающая статуя божества из белых костей.

Его рот был плотно заткнут и заклеен, руки и ноги туго стянуты. Кроме глаз, он не мог пошевелить ни пальцем, ни зубом. Бай Сюнь понял — это спланированная атака именно на них. В сердце медленно просачивалось отчаяние, но в следующую секунду оно сменилось чем-то куда более страшным.

— Мгх! Мгх!

Прямо напротив он увидел своего отца. На того набросились, сорвали одежду, и чья-то рука вонзила нож прямо в сердце. Кровь хлынула из раны, капая на странные узоры алтаря. На глазах у Бай Сюня капли впитывались в камень — то, что скрывалось под землей, жадно пило кровь его отца, словно младенец, прильнувший к материнской груди.

— У-у-у! — Бай Сюню почудилось, будто он слышит, как синие кирпичи алтаря с жадностью глотают эту жизнь. Это было самое ужасное зрелище в его жизни. Разум опустел, он молил лишь об одном: пусть это будет кошмаром, пусть отец никогда не брался за это задание...

Не успел он опомниться, как к нему подошла женщина в маске. Ни слова не говоря, она подняла кинжал и вонзила его Бай Сюню прямо в грудь. Глядя на неподвижного отца, чувствуя, как тело пронзает нестерпимая боль, Бай Сюнь в полном отчаянии закрыл глаза.

— Ого, а я как раз вовремя.

Раздался не слишком знакомый, но врезающийся в память голос. Бай Сюнь открыл глаза: алое одеяние в черном тумане выглядело вызывающе ярко.

Танси Чэнь едва заметно взмахнул кончиками пальцев, и талисман полетел прямо в призрачную женщину. Описав в воздухе золотую дугу, он превратился в пламя, которое прилипло к существу и в мгновение ока превратило её в грудку белых костей.

— Тц, хитрая. Даже на охоту за добычей прислала лишь свою проекцию.

Юноша слегка поддел кончиком своего меча из персикового дерева путы, и Бай Сюнь рухнул со столба. Он не обратил внимания на собственные раны и не задался вопросом, как тот его нашел — он, шатаясь, бросился к отцу.

Стоило ему коснуться запястья отца, как он ощутил острую боль в собственной груди.

— Живой... Отец... — он лихорадочно начал срывать с себя одежду, чтобы заткнуть кровавую дыру в груди отца, с трудом достал талисман и, читая Печать Цзы-У, принялся останавливать кровь.

...

Вокруг царил тишина, нарушаемая лишь болезненными стонами Бай Сюня. Танси Чэнь подошел ближе. Бай Сюнь, сам истекающий кровью, продолжал прижимать одежду к ране на груди мужчины средних лет. Танси Чэнь сплел пальцами печать, накрыв их защитным куполом:

— Как вы?

Бай Сюнь почувствовал, как тяжесть, давившая на него, внезапно исчезла. Он поднял взгляд на подошедшего и, не тратя слов на пустую болтовню, коротко доложил то, что успел узнать:

— Это ритуальный строй на живых людях. Как только я вошел, меня сразу подавили. Будь осторожен.

Использовать живых для построения массива — метод подлый и жестокий. Непонятно, где эти твари набрались такого. Можно сказать, им с отцом повезло, что они из секты Цзиньшань и их тела закалены практиками, иначе они бы уже были мертвы.

В этот момент полуразрушенные красные ворота святилища со скрипом отворились. Из теней один за другим вышли три десятка сельчан. Их движения были механическими и

синхронными, тридцать пар стоптанных соломенных лаптей глухо стучали по каменным плитам. Они окружили троицу и начали свой танец — омерзительный и пугающий.

Эти странные люди двигались в ритме погребальной музыки, их мутные глаза были испещрены кровавыми прожилками. Но самое жуткое — их лица: у всех застыла одна и та же неестественная, ритуальная улыбка. Через трещины в губах виднелись гнилые зубы, облепленные кусками плоти. Они смотрели на троих, словно на долгожданное лакомство, и их кадыки бешено дергались. Из глоток вырвался нечеловеческий, пронзительный вой:

— Кровавая жертва, кости до небес!

Затем, подобно стае голодных призраков, они со всех сторон бросились в атаку. Бай Сюнь из последних сил попытался оттащить отца назад.

Танси Чэнь поднял взгляд на этих живых мертвецов, от которых исходил черный дым, и насмешливо фыркнул:

— Ого, так вот вы где. Прятались, присылали проекции, а как дошло до дела — так сразу заголосили, лишь бы мы узнали, кто вы такие.

Кости до небес? Да я вам сейчас устрою небесную кару.

Он схватил Бай Сюня за руку:

— Небеса ясны, кровь — мост!

Острым лезвием он полоснул себя по ладони, и капли крови зависли в воздухе, выстроившись в форме ковша Большой Медведицы. Лево́й рукой Танси Чэнь надавил на точку на лбу Бай Сюня, сплетая Печать Цзы-У, а правой, сложив пальцы мечом, призвал грозовые тучи с девяти небес:

— Пять великих генералов грома, внимлите моему приказу! Ветром Сюнь и огнем Ли очистите этот смрад!

Бай Сюнь дернулся, прижимая ладонь к груди:

— ...Эй, приятель, чья это кровь?! Не пойдет так, это же совсем не методы праведных практиков!

Без всякого предупреждения хлынул ливень, каждая капля которого была пронизана искрами молний. Колокольчики Усмирения Душ на крыше святилища внезапно взорвались. Бродячие сельчане закричали в унисон, из их ртов вырвался черный туман, принимая очертания жутких, уродливых ликов.

Юноша в красном с черными волосами стоял посреди бури. Бай Сюнь отчетливо видел, как капли дождя меняли траекторию, не долетая до него и метра. Казалось, за спиной юноши клубится густой черный туман, который туго обвивал его поясницу и шею. В этот момент Бай Сюню безумно хотелось связать: этот парень выглядел еще больше похожим на призрака, чем сами сельчане.

— А-а-а-а! — сельчане визжали так, что зубы сводило от боли, разъедаемые грозовым дождем. Но внезапно дождь окрасился в кровавый цвет. Ураганный ветер, подхватив обломки камней, переломил опорные столбы святилища. Каждая капля дождя теперь словно несла в себе искаженное призрачное лицо.

Танси Чэнь по-прежнему стоял с непроницаемым лицом, его глаза-фениксы не сводили взгляда со святилища, а алые одежды развевались на ветру. Он взглянул на алтарь у своих ног и занес меч, намереваясь разрубить его — он чувствовал, что именно там сосредоточена самая густая призрачная аура.

Но не успел он ударить, как с крыши донесся пронзительный смех. В кровавом дожде медленно проступил мертвенно-бледный силуэт. Фигура плавно выплыла из святилища: растрепанные волосы, лицо с гримасой, от которой стыла кровь.

— Ха-ха-ха! Вы, лицемеры, прикрывающиеся праведностью! Строите из себя борцов с нечистью, а на деле — лишь мерзкие вонючие крысы! Я сожру вас всех... всех сожру!

Когда пустые глазницы уставились на Бай Сюня, он почувствовал, как задрожали его три души и семь начал. Призрак подплыл к нему и склонился, кончики волос коснулись кончика его носа. На женщине было белое платье, кожа — как снег, лицо — утонченное до невозможного. Она была ослепительно прекрасна, и Бай Сюнь застыл, не в силах отвести взгляд.

<http://bllate.org/book/22283/2333105>